

Секция «Проблемы конституционного строя и конституционного статуса личности»

Квазиинстанционность органов конституционного контроля в Российской Федерации

Научный руководитель – Малютин Никита Сергеевич

Тиханов Никита Анатольевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра конституционного и муниципального права, Москва, Россия

E-mail: tichanov-nikita@rambler.ru

Российская правоприменительная практика пошла по пути, который можно назвать «квазиинстанционностью» органов конституционного контроля. В рамках указанной практики существует возможность перекрытия решения КУСа актом КС РФ.

Основой такой квазиинстанционности является Постановление КС РФ от 11.04.2000 N 6-П, в соответствии с которым органам государственной власти субъектов РФ предоставляется две альтернативы. Первая из них внести изменения в акты государственной власти субъекта в соответствии с правовыми позициями и решениями, принятыми органом конституционного контроля. Вторая альтернатива состоит в возможности не согласиться с решением органа конституционного контроля субъекта и обратиться в КС РФ с запросом о соответствии положений оспоренных в КУСе актов Конституции РФ. Законодательство субъектов, как правило, указывает, что юридическая сила решений КУСа не зависит от последующих действий органов государственной власти соответствующего субъекта федерации.

В доктрине описанный подход критикуется на основании весьма вольного истолкования ст. 85 ФКЗ о КС РФ. Правовая позиция КС РФ основана на ст.85, которая допускает возможность обратиться с запросом в КС в случае, если заявитель считает акт подлежащим применению вопреки решению высших органов власти субъекта. Однако далее следует уточнение: решение должно быть об отказе применять или исполнять положения нормативных актов. Норма статьи сформулирована как предполагающая отсутствие судебного акта, однако было применено расширительное толкование.

Примерами проявления такой квазиинстанционности служат два дела: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.12.2013 N 26-П и Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2018 N 44-П. Следует обратиться к рассмотрению материалов дел.

В рамках первого дела орган государственной власти Челябинской области не согласился с решением Уставного суда Челябинской области, признавшего положения одного из нормативных актов (Закон области «О транспортном налоге») противоречащими Уставу области. Последовавшее за этим соответствующим обращением в КС РФ и рассмотрение дела привело к принятию Постановления КС РФ, которым оспариваемые положения были признаны не противоречащими Конституции РФ. Неоднозначность принятого решения подтверждается содержанием особого мнения судьи Г.А. Гаджиева, которое можно свести к простой формуле: соответствие большему не означает соответствия меньшему, то есть, соответствие Конституции РФ не означает соответствия Уставу области.

Во втором деле КС РФ рассматривал в рамках спора о границе между Чечнёй и Ингушетией решение КС Ингушетии, которым положения закона субъекта о ратификации соглашения между субъектами. Конкретно в данном случае очевидно, что КС Ингушетии вышел за пределы своей компетенции. Фактически были признаны несоответствующими Конституции Республики Ингушетия положения уже вступившего в силу соглашения

между субъектами федерации, в то время как полномочие у КС Ингушетии имелось лишь на рассмотрение вопроса о соответствии Конституции Республики Ингушетия подобного договора ещё не вступившего в силу.

Очевидным является противоречие подобного подхода судебной практики положениям ст. 27 ФКЗ о судебной системе РФ ввиду нарушения принципа окончательности решения КУСа в силу отсутствия нормативно закреплённого механизма контроля за наличием или отсутствием дефектности решения органа конституционного контроля субъекта. Довольно странным видится решение ставить юридическую силу и необходимость исполнения акта конституционного правосудия в зависимость от действий лиц, в результате принятия актов которых и возник спор, ведь они становятся судьями в своём же деле. Логичным является вопрос: должны ли подлежать применению нормы акта, отменённого КУСом до момента вынесения решения КС РФ.

Нелогичность подобного подхода доказывается и при рассмотрении предмета конституционного контроля. Акт, признанный неконституционным, прекращает своё действие, как бы прекращает существовать в правовой плоскости, что ведёт к отсутствию предмета нормоконтроля при запросе в КС РФ. Однако органы государственной власти наделены правом «реанимировать» его нормы, утратившие юридическую силу, как объект конституционного контроля, вернув к жизни для рассмотрения на соответствие федеральной Конституции в КС РФ.

Складывается промежуточное положение подобного акта: формально решение КУСа вступает в силу с момента его опубликования/принятия решения, то есть, нет отсрочки вступления судебного акта в силу, как это предусматривается иными видами процессуального законодательства. Поэтому, исходя из буквального толкования, данный акт КУСа должен действовать вплоть до решения КС РФ. Отложение вступления акта в законную силу не должно становиться элементом дискреции КУСа, ведь подобное отложение подразумевало бы прямо признаваемую КУСом возможность пересмотра принятого решения, что прямо противоречит ст.27 ФКЗ о судебной системе.

Постановление КС РФ не предусматривает какого-либо перечня потенциально прогнозируемых причин такого квазиинстанционного пересмотра, что ведёт к правовой неопределённости. О. В. Брежнев в одной из статей приводит гипотетический пример ситуации, когда по делу гражданина решение суда может быть пересмотрено дважды: сначала в связи с решением КУСа, а после в связи с решением КС РФ, отменяющим решение КУСа [1]. Подобная ситуация видится недопустимым нарушением указанного выше принципа. Таким образом, квазиинстанционность органов конституционного контроля на данный момент проявляется в возможности указания КС РФ на существенные ошибки в акте КУСа, что ведёт к необходимости отказа от исполнения такого акта в силу его неконституционности. Следовательно, утрата юридической силы акта КУСа обусловлена его изначальной дефектностью и неприменимостью в связи с этой дефектностью, а не актом «вышестоящего» суда, констатирующего такую дефектность, что пересмотром решения КУСа не является. Стоит считать допустимым признание дефектности судебного акта не только органами конституционного контроля «вышестоящей инстанции», но и правоприменителем.

Источники и литература

- 1) Брежнев О.В. Некоторые проблемы взаимодействия Конституционного Суда России и органов конституционного правосудия субъектов Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2014. N 9. С. 56 - 60.